

М. Горький «О русском крестьянстве»: проблематика, поэтика, исторический контекст¹

Обращено внимание на особое, негативно-недоверчивое, отношение Горького к русскому крестьянству, политический и духовный консерватизм которого мог помешать, по мнению писателя, осуществлению социалистических идеалов революции. В период Революции 1917 г. и Гражданской войны Горькому казалось, что именно русский «мужик» может погубить революцию и что сама революция неминуемо превращается в жестокую борьбу города и деревни: рабочих и интеллигенции с одной стороны и крестьянства — с другой. Итогом напряженных размышлений писателя в 1917–1921 гг. о судьбах родного народа и его роли в революции явилась большая художественно-публицистическая статья Горького «О русском крестьянстве» (1922), которая стала его первым крупным публичным выступлением в печати после отъезда из России в Европу. Исходя из негативного отношения Горького к русскому крестьянству, представляется вполне закономерным, что писатель на рубеже 1920–1930-х гг. поддержал большевистскую политику всеобщей коллективизации деревни. Именно коренная ломка основ деревенской жизни заставила его поверить в «подлинно социалистический характер» Октябрьской революции.

Ключевые слова: М. Горький, Революция 1917 года, деревня, город, «О русском крестьянстве», коллективизация.

The article examines Gorky's special, negatively distrustful attitude towards the Russian peasantry, whose political and spiritual conservatism could prevent, in the writer's opinion, the realization of the socialist ideals of the revolution. During the 1917 revolution and the Civil War, it seemed to Gorky that it was the Russian "peasant" who could ruin the revolution and that the revolution itself was inexorably turning into a brutal struggle between town and village, workers and intellectuals on the one hand and peasants on the other. The result of the writer's intense reflections in 1917–1921. Gorky's artistic and journalistic article "On the Russian Peasantry" (1922) was about the fate of his native people and its role in the revolution, which became his first major public appearance in the press after leaving Russia for Europe. Based on Gorky's negative attitude towards the Russian peasantry, it seems quite natural that the writer at the turn of the 1920–30s supported the Bolshevik policy of universal collectivization of the village. Moreover, it was the radical breaking of the foundations of village life that made him believe in the "truly socialist character" of the October Revolution.

Keywords: M. Gorky, revolution of 1917, village, city, "About the Russian peasantry", collectivization.

В 2022 г. исполнилось ровно сто лет со времени выхода в свет одного из самых сложных, неоднозначных произведений М. Горького — художественно-публицистической статьи «О русском крестьянстве». В ней с особой силой проявилась трагическая противоречивость раздумий писателя о русском народе и его роли в революции, о судьбе России. Негативно-недоверчивое отношение Горького к русскому крестьянству, к народу не раз отмечалось как его современниками, так и многими позднейшими исследователями и критиками его творчества. Уже в ранних рассказах Горького о народе на первый план выдвигается фигура человека, «отколовшегося» от хозяйства, «выломившегося» из деревенской среды. Писатель поэтизировал тип героя-бунтаря и противопоставлял ему характер покорного крестьянина-обывателя, слепо привязанного к своей собственности, стяжателя и прагматика. Такие рассказы, как «Челкаш», «Мальва», «Вывод», выделялись своей «антикрестьянской» направленностью, что давало народнической критике основание для обвинений Горького в негативно-пристрастном отношении к мужику. Например, Н.К. Михайловский в одной из своих статей 1898 г. отмечал, что любимым героям писателя свойственно «по-видимому, глубокое презрение к мужику и деревенскому житью, презрение, сопровождаемое даже ненавистью» [1. С. 331].

После поражения Первой русской революции, в период увлечения Горького идеями «богостроительства», русский народ предстал в его произведениях, прежде всего в повести «Исповедь», в образе «народа-богоносца» — массы, концентрирующей в себе коллективную духовную энергию. Однако довольно скоро Горький разочаровался в «богостроительстве», под влиянием многочисленных факторов действительности начал видеть в народе не только могучий творчес-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 21-18-00131).

кий потенциал, но и социальную пассивность и невежество, стихийность и анархизм. Сложное, диалектически противоречивое отношение к народному характеру продемонстрировал писатель в замечательном предреволюционном цикле рассказов «По Руси», где наряду с оптимистическим утверждением необычайной талантливости и духовной мощи русского народа изобразил страшные в своей косности и темноте, хитрости и жестокости типы «простых» людей.

События Февральской и последовавшей за ней Октябрьской революций и Гражданской войны еще больше усилили недоверие Горького к русскому крестьянству. В те годы писатель буквально «заболел» идеей «крестьянской опасности». К.И. Чуковский 26 марта 1919 г. записал у себя в дневнике одно из высказываний Горького:

...я <...> недавно был на съезде деревенской бедноты — десять тысяч морд — деревня и город должны непременно столкнуться, деревня питает животную ненависть к городу, мы будем как на острове, люди науки будут осаждены, здесь даже не борьба — дело глубже <...> здесь как бы две расы...

Далее продолжая записывать свои впечатления:

Изумительно, как овладевает Горьким какая-нибудь одна идея! Теперь, о чем бы он ни заговорил, он все сводит к розни деревни и города <...>. Теперь он пригласил меня читать лекции во Дворец Труда; я спросил его, о чем будет читать он. Он сказал: о русском мужике! — Ну и достанется же мужику! — сказал я. — Не без того, — ответил он. — Я затем и читаю, чтобы наложить ему как следует. Ничего не поделаешь. Наш враг... Наш враг... [2. С. 106].

На каком-то этапе Горькому стало казаться, что именно русский народ может погубить революцию и что сама революция неумолимо превращается в жестокую борьбу города и деревни: рабочих и интеллигенции с одной стороны и крестьянства — с другой. В 1917–1918 гг. резко выступавший против авантюристической политики большевиков, Горький уже через год оказался готовым пойти с ними на мировую, поскольку именно в них почувствовал силу, способную одолеть смертельно опасную для русской культуры крестьянскую анархию. В конце 1919 г. он с тревогой писал Е.П. Пешковой:

Кроме большевиков — нет сил, которые могли бы противостоять этому движению. Революция выродилась в борьбу деревни с городом — вот что надо понять. Задача момента — объединение интеллигенции и представителей крупной промышленности с большевиками, несмотря на все прегрешения и ошибки последних [3. Т. 13. С. 41].

Недоверие к социальному разуму «мужика», даже враждебность по отношению к деревне Горький выразил незадолго до своего отъезда за границу в письме от 28 января 1921 г. И.Е. Вольнову:

А возвращаясь к деревне, скажу Вам: да погибнет она так или эдак, не нужно ее никому, и сама себе она не нужна. Вы знаете, что я плохой марксист, и эти мои слова не «с точки зрения», а из опыта, от многих, тяжелых дум над судьбами русского народища. Бросьте, дружище, деревню и напишите хороший рекевием в память о ней [Там же. С. 157].

Итогом мучительных размышлений писателя в 1917–1921 гг. о судьбах родного народа и его роли в революции явилась большая художественно-публицистическая статья «О русском крестьянстве». Она стала первым крупным выступлением Горького в печати после его отъезда 16 октября 1921 г. из Советской России в Германию. Ее замысел относится к первому месяцу пребывания Горького за границей, когда он познакомился с многочисленными крайне резкими выступлениями русских эмигрантов против жестокой политики большевиков, против методов их управления русским народом. В этой ситуации он считал своим долгом встать на защиту руководства Советской России, хотя ко многому в их политике в то время и сам относился критически.

О своем новом замысле Горький сообщил 22 ноября 1921 г. В.И. Ленину:

Собираюсь написать книжечку о русском народе, сиречь — о мужичке нашем, о том чужом дяде, на которого работаете вы и который постепенно поглощает остатки революционной энергии русского рабочего. Книжка, конечно, явится апологией Советской власти, — она одна только и могла поднять на ноги свинцовую массу русской деревни, и одно это вполне оправдывает все ее грехи — вольные и невольные [Там же. С. 263].

Двадцать шестого декабря Горький писал своему другу и издателю И.П. Ладыжникову из санатория на юге Германии о работе над новым произведением: «Сижу здесь, пробую писать — для газет — о России, идет тяжело, писать не хочется, ибо — пишется мрачно» [Там же. С. 273]. А 8 января 1922 г. уже извещал его о завершении работы: «Я написал статью о крестьянстве и хотел бы посоветоваться с Вами — стоит ли печатать ее? Напечатать мне что-нибудь — необходимо, покоя нет от писем и телеграмм с просьбами о статьях. Но — нужно сделать это с тактом» [Там же. Т. 14. С. 10]. Говоря о необходимости соблюдения «такта», Горький, видимо, предчувствовал, что появление его новой статьи вызовет бурную и ожесточенную полемику в советской и эмигрантской прессе. Двенадцатого января 1922 г. он писал об этом А.П. Пинкевичу: «Работаю, кончил статью о мужике — меня будут ругать за нее справа, слева, со середины, сверху и снизу» [Там же. С. 12].

Главную идею, суть своего замысла Горький попытался выразить в письме художнику В.В. Каррику:

Скоро выйдет отдельной брошюрой моя статья о крестьянстве, думаю, что, прочитав ее, Вы убедитесь, что я не очень обидел мужика. Суть только в том, что за время революции мужик сожрал интеллигенцию и рабочий класс, т.е. сожрал-то не только он, но — он остался хозяином страны и скоро покажет себя очень сурово — скрутым, узким, не верующим ни во что человеком. В таком виде он, конечно, долго не проживет, но все же — временно — создаст весьма тяжелые условия жизни. Так что кое-кто и большевиков вспомнит сочувственно [Там же. С. 72].

Бросая тяжкие обвинения русскому крестьянству в якобы присущей ему особой жестокости, в лени и пассивности, равнодушии к творческим началам жизни, Горький с самого начала оговаривался, что не считает эти черты народного характера врожденными, и пытался объяснить их происхождение нечеловечески тяжелыми условиями жизни народа, его мучительной и трагической историей:

Мне очень тяжело все, что я думаю о моей стране, точнее говоря, о русском народе, о крестьянстве, большинстве его. Для меня было бы легче не отвечать на вопрос, но — я слишком много пережил и знаю для того, чтобы иметь право на молчание. Однако прошу понять, что я никого не осуждаю, не оправдываю, — я просто рассказываю, в какие формы сложилась масса моих впечатлений. Мнение не есть осуждение, и, если мои мнения окажутся ошибочными, это меня не огорчит [4. С. 5].

Писателю казалось, что крестьянство, составлявшее к началу революции 82% всего населения страны, погубит революцию, обратит ее в свою «пользу», извратит ее социалистические, святые для него идеалы. «Теперь можно с уверенностью сказать, — писал он в конце статьи, — что ценою гибели интеллигенции и рабочего класса русское крестьянство ожило» [Там же. С. 43].

Горький был несправедлив, обвиняя деревню в том, что она «наживается» на голоде городских жителей. «В 1919 году, — писал он в заметках “О русском крестьянстве”, — милейший деревенский житель покойно разул, раздел и вообще обобрал горожанина, выменивая у него на хлеб и картофель все, что нужно и не нужно деревне» [Там же. С. 35]. Понимая, что голод в значительной степени был вызван проводимой большевиками политикой национализации земли и продразверсткой, Горький тем не менее осуждал не политику вождей революции, а «несознательных» русских крестьян, не понимавших этой политики и не желавших безвозмездно отдавать свой хлеб.

Многочисленные факты большевистского террора по отношению к деревне приводились в письмах крестьян лидеру партии левых эсеров Марии Спиридоновой, в лице которой они пытались найти защиту от притеснения местных «комбедов» и отрядов «продармии». Выдержки из этих писем Спиридонова процитировала осенью 1918 г. в открытом письме ЦК партии большевиков. Приведем лишь две из них:

По приближении отряда большевиков надевали все рубашки и даже женские кофты на себя, дабы предотвратить боль на теле, но красноармейцы так наловчились, что сразу две рубашки внизывались в тело мужика-труженника. Отмачивали потом в бане или просто в пруду, некоторые по несколько недель не ложились на спину. Взяли у нас все дочиста, у баб всю одежду и холсты, у мужиков — пиджаки, часы и обувь, а про хлеб нечего и говорить...

В комитеты бедноты идут кулаки и самое хулиганье. Катаются на наших лошадях, приказывают по очереди в каждой избе готовить обед, отбирают деньги, делят меж собой, и только маленький процент отсылают

в Казань, приказывали отнимать скот у мужиков. У кого в семье меньше 4-х человек, у тех последнюю корову отобрать. За овцу 15 руб. налог. Крестьяне режут скот. Через год разорение будет окончательное и непоправимое. Деревня без скота – гиблая (цит. по: [5. С. 18]).

Опасения Горького по поводу будущего русской революции, растворения ее «высоких идеалов» в «крестьянском болоте» не только не ослабели после окончания Гражданской войны, но даже усилились. Если в цикле статей 1917–1918 гг. «Несвоевременные мысли» он был непримиримо строг к революционерам-большевикам, возлагал в первую очередь на них ответственность за кровавый террор, грабежи, разруху и голод, то в брошюре «О русском крестьянстве» писатель всю вину за эти отвратительные «гримасы» революции перекладывает на крестьянство:

Жестокость форм революции я объясняю исключительно жестокостью русского народа. <...> Когда «в зверстве» обвиняют вождей революции – группу наиболее активной интеллигенции – я рассматриваю эти обвинения как ложь и клевету... [4. С. 40–41].

Недооценка крестьянства, страх перед «собственником», отношение к частной собственности как к самому страшному греху, источнику всех человеческих пороков, – все это сближало Горького с революционерами-радикалами: большевиками и меньшевиками. В этом вопросе он был радикальнее самого Ленина, видевшего в беднейшем крестьянстве союзника и наперекор большинству руководства страны доказывавшего необходимость введения нэпа.

Как видно из приведенных писем Горького, он с самого начала хотел напечатать новое произведение отдельной брошюрой и договорился о ее публикации одновременно на русском и немецком языках с берлинским «Издательством И.П. Ладъжникова». Однако выход книжки задержался до начала сентября, поэтому писатель, от которого как советская, так и зарубежная общественность ждала злободневного отклика на революционные события в России, решил обнародовать свое мнение о роли русского крестьянства в революции сначала в иностранной прессе. Четыре из десяти фрагментов большой статьи под общим названием «Русская жестокость» («Анархия», «Жестокость», «Скептицизм», «Завтра») были опубликованы 2 апреля 1922 г. в датской газете *Politiken* и вслед за ней в итальянской газете *Secolo*. Вскоре после этого еще сильнее сокращенный текст «Русской жестокости» – всего два фрагмента из четырех – в обратном переводе под заголовком «Что будет с Россией? (О русском народе)» был опубликован в московском журнале «Рупор» (1922. № 1. С. 4–6). В предисловии от редакции подчеркивалось большое значение выступления писателя накануне международной Генуэзской конференции 1922 г., участие в которой для Советской России было очень важным, поскольку означало ее международное признание ведущими европейскими странами. Без сокращений (т.е. четыре заметки из десяти) статья «Русская жестокость», также в обратном переводе, была напечатана в мае 1922 г. в журнале «Новая Россия» (№ 2. С. 141–147).

Публикация статьи «Русская жестокость» в иностранной прессе сразу была замечена советским руководством и вызвала его недовольство. Двадцать восьмого апреля 1922 г. газета «Известия ЦИК» (№ 93) выступила с резкой критикой заметок Горького. В статье Эрдэ (псевдоним Д.И. Райхштейна) с издевательским заголовком «От великого до смешного... или не в свои сани не садись» всемирно известный писатель был назван «косноязычным певцом Буревестника», а его политическая позиция охарактеризована как «сидение между двух стульев, между красных и белых». «Большие люди имеют, как известно, и большие недостатки, – начинал свою статью автор. – К таким большим недостаткам нашего большого художника слова Максима Горького надо отнести, несомненно, его страсть к публицистическим опытам...» При этом авторитет Горького, по утверждению Эрдэ, «неожиданно превращается в знамя политического похода и подрыва “тихой сапой” власти рабочих и крестьян».

«Неужели, – писал автор в финале статьи, – Горький <...> не чувствует, сколько вреда он наносит рабоче-крестьянской России этими своими неудачными публицистическими новеллами, которые, конечно, будут подхвачены с острым наслаждением всей буржуазной печатью?!»

Эрдэ не ограничился этим выступлением. Вскоре вышла его книжка «Максим Горький и русская интеллигенция», в которой он подверг критике все публицистические выступления писателя 1917–1922 гг.

Член Политбюро ЦК РКП(б), редактор газеты «Правда» Н.И. Бухарин, в марте 1922 г. посетивший больного Горького в немецком санатории и сумевший установить с ним дружеские отношения, вскоре после первой публикации «Русской жестокости» в датской газете также считал своим долгом укорить писателя, хотя и в дружеском тоне, и указать на политическую неуместность его выступления. В мае 1922 г. он писал Горькому:

Нас всех очень огорчила Ваша статья в "Politiken" (Копенгагенской). «Известия» начали против Вас атаку. Я в «Правде», естественно, ничего не пропускал. Но у меня тоже очень тяжелое чувство было: ну какого рожна Вы, Прекрасные Усы, идете в такие сволочные газеты, да еще во время Генуи? Ведь душеспасительные «сомнения» излагать перед буржуазными свиньями — это, ей богу, их и хлебом не корми. А для нас прямой ущерб. Да к тому же, откуда Вы *знаете*, что рабочие и интеллигенция погибнут ради мужичка? [б. С. 165].

И Горький был вынужден оправдываться. Первого июня 1922 г. он отвечал Бухарину, пытаясь отвести его упреки и разъясняя мотивы своего выступления:

Посылаю Вам оригинал статьи. Вы знакомы с нею по выдержкам, искаженным двумя переводами. <...> Не сообразил я, что печатать ее во дни Генуи было нетактично, но я и не думал, что ее напечатают так скоро. Однако кое-кого она убедила в том, что Сов. власть — власть исторически оправданная. <...> Слышу, что наиболее порядочные люди из эмигрантов говорят: статья примиряет с Сов. властью, что, действительно, только большевизм мог оживить крестьянство [З. Т. 14. С. 56–57].

Противоречивость позиции Горького заключалась в том, что он, пытаясь в статье «О русском крестьянстве» оправдать внутреннюю политику большевистской власти, в то же время не мог принять ее жестоких средств и методов управления страной. «Вопрос о жестокости — мой мучительнейший вопрос, я не могу отрешиться от него», — признавался писатель в том же письме Бухарину.

Еще сильнее испортились отношения Горького с советским руководством в связи с затеянным большевиками судебным процессом над эсерами, который грозил многим из них смертным приговором. В начале июля 1922 г. писатель выступил с открытыми письмами к заместителю председателя Совнаркома А.И. Рыкову и к французскому писателю А. Франсу, в которых выразил резкий протест против этого процесса и против большевистских методов террора вообще. Третьего июля он написал Рыкову:

Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством, — это будет убийство с заранее обдуманным намерением, — гнусное убийство. Я прошу Вас сообщить Л.Д. Троцкому и другим это мое мнение. Надеюсь, оно не удивит Вас, ибо Вам известно, что за все время революции я тысячекратно указывал Советской власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране [Там же. С. 66].

Вскоре это письмо появилось в иностранной прессе, затем было перепечатано во многих эмигрантских газетах. Советским партийным руководством выступление Горького было расценено как предательство. Замещавший больного Ленина Л.Д. Троцкий дал прямое указание главному редактору «Правды» Бухарину разоблачить «заблудшего» писателя, которого, по мнению Троцкого, «в политике никто всерьез не берет» [Там же. С. 413].

Но сначала против Горького опять выступила газета «Известия». Шестнадцатого июля 1922 г. в этой газете (№ 157) была напечатана статья члена ЦК РКП(б) и члена Исполкома Коминтерна К. Радека «Максим Горький и русская революция», в которой утверждалось, что писатель всегда был приверженцем теории «героев и толпы» и никогда не понимал душу пролетария. Горький был назван в ней «мелкобуржуазным попутчиком русской революции».

Через два дня к «разоблачению» Горького подключилась и газета «Правда». Восемнадцатого июля в «Правде» (№ 158) вышла статья С.С. Зорина (Гомбарга) «Почти на дне (О последних выступлениях Горького)», в которой писатель обвинялся в буржуазном перерождении и в том,

что он сильно «вредит нашей революции». Речь в этой статье шла не только о письме в защиту эсеров, но и о статье «Русская жестокость». «Горький, — утверждал автор, — пишет большую статью о русском народе, в которой весьма мрачными, “специальными” красками неверно рисует общее состояние его, в частности состояние русского крестьянства».

Двадцать первого июля в «Правде» (№ 161) со стихотворным фельетоном «Гнетучка» выступил Демьян Бедный, утверждавший, что в результате жизни за границей Горький оторвался от родной почвы и теперь «насквозь отравлен тучей разных остервенело-буржуазных белогвардейских комаров».

Писатель тяжело переживал травлю, развязанную против него «Известиями» и «Правдой» летом 1922 г. Он уже тогда, еще до публикации полной версии текста «О русском крестьянстве» в Берлине, понял, видимо, что в Советскую Россию в ближайшие годы хода его новому произведению не будет. Так и вышло. Впервые полный текст статьи после ее выхода в свет осенью 1922 г. в «Издательстве И.П. Ладыжникова» был напечатан в России только через 80 лет, в 2003 г., в «Литературоведческом журнале» (публикация и комментарии И.А. Ревякиной).

Не менее острую полемику и резкую критику заметки Горького «О русском крестьянстве» вызвали и в эмигрантской среде. Концентрированным выражением неприятия и осуждения этой работы писателя русскими эмигрантами можно считать, например, мнение о ней экономиста К.Р. Кочаровского. Девятнадцатого октября 1922 г. он писал Горькому о его новом произведении:

Исходящая от Вас — поддержанная Вашим талантом и искренностью — отравленная неправда о русском крестьянском народе представляет практически страшное зло: содействует расколу между ним и интеллигенцией, оправдывает и усиливает презрение и империалистическое отношение к России других народов. Фактически Вы действуете как враг русского народа [Там же. С. 460].

Одним из первых, кто с искренним сочувствием и глубоким вниманием отнесся к статье «О русском крестьянстве», был знаменитый французский писатель и близкий друг Горького Р. Роллан. Пятого октября 1922 г. Горький выслал ему изданную на немецком языке брошюру с теплой дарственной надписью, пояснив в сопроводительном письме: «Посылаю Вам, дорогой друг, маленькую книжку, насыщенную большим горем. Нелегко было писать ее, но — необходимо» [Там же. С. 93]. И уже через неделю Горький получил от Роллана сочувственный ответ:

Книга интересна своим трагизмом. Я понимаю, что Вас тяготит описанная в ней действительность. <...> Мне кажется, что «великая скорбь», которой проникнута Ваша книга, сопровождала Вас на протяжении почти всей Вашей жизни. Почти всю Вашу жизнь Вы несли в себе страдания этого страшного русского народа, который Вы хотели и не могли спасти. Это не было открытием, сделанным в последние годы, но за последние годы рухнула великая иллюзия начала Революции (всякой Революции). Что принесло Вам новое разочарование, более глубокое и горькое, чем все предыдущие.

Но вслед за тем Роллан отметил противоречивость позиции Горького и вынужден был вступить с ним в полемику:

Я полагаю, дорогой друг, что все, описанное Вами, является частью неумолимого целого, ответственность за которое трудно возложить на один народ, каким бы он ни был. Требуется не так уже много, чтобы пробудить в народах Запада склонность к холодной жестокости, которую Вы с ужасом отмечаете у русских крестьян [7. С. 43–44].

Одна из важнейших теоретических проблем в связи с дальнейшим изучением художественно-публицистического произведения «О русском крестьянстве» — это проблема жанра. В настоящее время она особенно актуализировалась ввиду предстоящего вскоре издания в Институте мировой литературы РАН третьей серии Полного собрания сочинений Горького — его публицистики.

Как видно из приведенных писем Горького разным адресатам, он сам называл свое новое произведение по-разному, испытывая, видимо, трудности с точным определением его жанра:

то «книжечкой», то «брошюрой», то «очерком», то «заметками», то «статьей», что еще больше может запутать критиков и исследователей. По мнению большинства современных ученых, «О русском крестьянстве» — это художественно-публицистическое многосоставное, многосложное произведение, по жанру наиболее близкое к статье либо к циклу статей. В пользу цикла в данном случае говорит эдиционная стратегия самого автора и история бытования этого произведения. Ведь сначала лишь часть его была опубликована самим Горьким в иностранной прессе, причем эта часть под заголовком «Русская жестокость» была напечатана как цикл из четырех небольших статей, каждая из которых имела собственное название. Для Горького вообще было характерно тяготение к циклизации творчества, которое отражало, видимо, особенности его мировосприятия, его философско-эстетические устремления к синтезу. Это касалось и художественных произведений, и публицистики. Вспомним для примера хотя бы цикл его ранних статей «Беглые заметки» или цикл революционного времени «Несвоевременные мысли». Однако через полгода после появления части текста «О русском крестьянстве» в виде цикла в газетах все десять фрагментов были напечатаны как единое целое в книжке, отделенные друг от друга только графически — небольшой горизонтальной линией, т.е. были превращены волей самого автора в разделы одной большой статьи.

По своей тематике и трагическому звучанию статья «О русском крестьянстве» наиболее близка к книге Горького «Заметки из дневника. Воспоминания» (1923), составленной из разрозненных и разновременных дневниковых записей, обрывков воспоминаний, сценок, диалогов и др. «Заметки из дневника» — книга со сложной, многосоставной композицией, напоминающей мозаику. Горький задумывал ее как некое целостное, но состоящее из множества разнообразных текстовых фрагментов произведение, объединенное единым творческим замыслом. Об этом замысле сам автор, подводя итоги, сказал в послесловии:

Мне хотелось назвать этот сборник «Книга о русских людях, какими они были». Но я нашел, что это звучало бы слишком громко [8. Т.17. С. 230].

«О русском крестьянстве» можно было бы назвать так же. Но если в «Заметках из дневника» Горький изображал по большей части жителей провинциальных городков, то в художественно-публицистической статье «О русском крестьянстве» он сосредоточил свое внимание на обитателях деревни.

Тесная тематическая и жанровая связь заметок «О русском крестьянстве» с книгой «Заметки из дневника. Воспоминания», особенно со второй ее половиной, посвященной эпизодам жизни и событиям эпохи революции, выявляется еще более отчетливо в том, что в книге, в очерке «Из письма», Горький почти дословно повторил фрагмент текста своей публицистической статьи. В обоих произведениях Горький показывал, как жестокая революционная действительность быстро меняла психику обывателей, их моральные представления и установки. Признавая правомерность и даже необходимость физического уничтожения всех слабых, не способных к труду людей, некий сельский учитель (а в «Заметках из дневника» — некий «гражданин Ф. Попов») предлагал производить это уничтожение «мерами более сострадательного характера. Например — окармливать их чем-нибудь вкусным и так далее». «Эти меры, — продолжал учитель, — смягчали бы повсеместную борьбу за существование, то есть приемы ее. Так же следует поступить со слабоумными идиотами, с сумасшедшими и преступниками от природы, а может быть, и с неизлечимо больными, горбатыми, слепыми и проч.» [4. С. 27].

Судя по всему, Горький использовал в обоих случаях попавший в его руки подлинный документ, с помощью которого ему удалось показать всю чудовищность страшной идеологии человеконенавистничества, лицемерно прикрывающейся словами о гуманности и сострадании. Но если в статье «О русском крестьянстве» писатель обозначил носителя подобных взглядов как «сельского учителя, сына крестьянина», то в книге «Заметки из дневника» он расширил свое обобщение до «гражданина», человека вообще, современного обывателя.

Недоверчиво-подозрительное отношение Горького к русскому крестьянству легче всего объяснить тем страшным эмоционально-психологическим шоком, который пришлось пережить юноше Пешкову, когда он чуть не сгорел заживо в подожженной мужиками избе в селе Красновидово, а также случаем в деревне Кандыбино, где местные жители едва не забили его до смерти. Именно на эту причину как на главную указывали некоторые современники Горького, например близко знавший его писатель Е.И. Замятин:

...может быть, эта ночь положила начало антипатии <...> к русской деревне, к мужику и определила путь Горького к городу, к городскому пролетариату [9. С. 285].

Однако, на наш взгляд, односторонность в подходе к личности и психологии «мужика» на самом деле имела у Горького куда более серьезные и глубокие философско-мировоззренческие корни, проистекая из его особых представлений о природе и человеке, их назначении и роли в мировом процессе развития. Горький воспринимал природу, космос как бессмысленный, неупорядоченный хаос, как силу, враждебную человеку, полагая, что человек творит самого себя и окружающий его культурно-материальный мир — «вторую природу» — не в лоне природы и не с ее помощью, но в постоянной борьбе с нею. «Возвращаясь к вопросу о моем взгляде на природу, — писал он в 1928 г., — скажу: у меня нет оснований восторгаться ее творчеством. Она создала человека четвероногим зверем, ничтожеством против мамонта и других зверей; — человек сам, без ее помощи, должен был дорасти до Архимеда, Демокрита, Шекспира, Менделеева, Резерфорда, Павлова и т.д.» [3. Т. 17. С. 262].

Как видим, среди людей писатель различал жалкие создания природы — «четвероногих зверей» — и Человека с большой буквы, оформившегося в процессе долгой борьбы и эволюции. В этой картине мира крестьянин, каким он представлялся Горькому, в особенности «отсталый» русский крестьянин, относился, конечно же, к «низшему» разряду людей — «сырому материалу», из которого еще предстоит создать подлинного, настоящего Человека.

Горького отталкивали в крестьянине не только «примитивность» его психологии, труда и быта, но и его индивидуалистическая сущность. Ему гораздо больше импонировал пролетарий с его коллективным трудом и коллективистской психологией, нежели крестьянин-индивидуалист. Вот как писал об этом Горький в 1926 г. А.К. Воронскому в ответ на упрек в том, что он «слишком и несправедливо пристрастен к нашему “мужику”»:

В древности глубокой возникло от грязи земной некое бесформенное и бессильное живое, затем оно, пересоздав себя в человека, преодолевает постепенно и мучительно все сопротивления всех слепых и бессмысленных сил космоса и, все быстрее поработав сопротивлению эти, создает на своей земле силою своей воли свою «вторую природу». Это художественное произведение совершенно и чудесно. Озаглавлено оно — «Человек». Кроме этого чуда, иных чудес на земле не было, нет, не будет, а этому чуду расти тысячи веков. Отсюда явствует, что, разумеется, я не согласен с Вашим уравнением труда деревни с трудом города, я считаю его не только ошибочным, но и — вредным, особенно вредным у нас и в наши дни. И по сути своей, и по трудностям, и по результатам эти два вида работы — несравнимы. В одном случае затрачивается энергия чисто физическая, в другом — психофизическая. Крестьянин не создал рожь, пшеницу, овощи и все плоды земные, он их нашел и только собирает. Но двигатель Дизеля не существовал в природе, он создан воображением и разумом горожанина. Свекла найдена мужиком, но не мужик догадался добывать из нее сахар. <...> Его каторжный труд облегчается не его волей, а волею тех, кто выдумывает жнейки, трактора и т.д. Одно дело — поймать зайца, другое — электричество. Если б крестьянин исчез с его хлебом, — горожанин научился бы добывать хлеб в лабораториях. Труд созидательный — революционен, труд собирающий — консервативен по существу своему [Там же. С. 16. С. 49].

Под влиянием многочисленных свидетельств о положительных переменах в жизни советской деревни Горький постепенно стал менять свой взгляд на проблему крестьянства. Если раньше он боялся противостояния города и деревни, поглощения крестьянством культурных сил страны, то в конце 1920-х гг. у него складывается новая концепция взаимоотношений этих противоборствующих сил. В 1928 г. писатель утверждал, например, «что город и деревня — две силы, которые отдельно одна от другой существовать не могут <...> что для них пришла пора

слиться в одну, необоримую творческую силу, — слиться так плотно, как до сей поры силы эти никогда и нигде не сливались» [10. С. 312]. Однако на какой основе мыслил Горький это «слияние»? Социально-экономические преобразования в стране — индустриализация, выгнавшая на гигантские стройки тысячи крестьян, и коллективизация — разрушали хозяйственный уклад и богатые культурные традиции русской деревни. «Слияние», о котором мечтал Горький, в сущности, означало поглощение деревни городом, превращение мужика в сельскохозяйственного рабочего, в пролетария.

В общественно-политической и литературной борьбе, развернувшейся в конце 1920-х гг. вокруг дальнейших судеб крестьянства, Горький оказался на стороне тех, кто без сожаления прощался со старой деревней, с беспощадностью рисовал ее дикие нравы и темноту и, напротив, резко осуждал заступников за крестьянство, страдальцев о его доле. Позиция Горького, выразившаяся в его многочисленных статьях, выступлениях и письмах, не противодействовала развороту трагических событий в стране, не препятствовала созданию общественной атмосферы, в которой стало возможным проведение всеобщей коллективизации и раскулачивания деревни — мероприятий, обернувшихся высылкой миллионов крестьян, гибелью тысяч неповинных людей, разрушением сельского хозяйства, неоправданными лишениями и голодом населения. Мало того, именно коренная ломка основ деревенской жизни, коллективизация, проводимая большевиками, окончательно примирила с ними Горького, заставила его поверить в «подлинно социалистический характер» Октябрьской революции.

Горький видел, что страна находится на пороге гражданской войны, но, как и в 1917 г., больше всего боялся, что темная крестьянская стихия затопит островки социалистических преобразований в экономической и культурной жизни Советской России. Поэтому в разворачивающейся жестокой борьбе крестьянства с властью он был чаще на стороне последней. Разумеется, Горький был против «чрезвычайных мер» по отношению к крестьянству. Но в то же время писатель вполне искренне и сознательно решил поддержать курс И.В. Сталина, потому что видел будущее своей родины только на путях ликвидации частной собственности и коллективизации индивидуальных крестьянских хозяйств. В самый разгар трагических событий в деревне писатель обратился к Сталину с письмом, оказывая идейную поддержку его политике, указывая на великий социальный и философский смысл проводимых преобразований. Восьмого января 1930 г. Горький писал:

...после того, как партия столь решительно ставит деревню на рельсы коллективизма — социальная революция принимает подлинно социалистический характер. Это переворот почти геологический и это больше, неизмеримо больше и глубже всего, что было сделано партией. Уничтожается строй жизни, существовавший тысячелетия, строй, который создал человека крайне уродливо своеобразного и способного ужаснуть своим животным консерватизмом, своим инстинктом собственника. Таких людей — два десятка миллионов. Задача перевоспитать их в кратчайший срок — безумнейшая задача. И, однако, вот она практически решается [3. Т. 19. С. 177].

Как видим, в письме Горького речь идет о воспитательных, а отнюдь не о репрессивных мерах в отношении русского крестьянства. Писатель считал, что коллективизация должна проходить на добровольных началах, методами просвещения, убеждения и агитации сельского населения. Горький и сам активно участвовал в этих культурных акциях. Он встречался с сельскими активистами, переписывался с селькорами, посылал тысячи книг в избы-читальни, писал многочисленные статьи и обращения к крестьянству, составлял детальные планы издания книг для деревни, способствовал массовому выпуску книги «Крестьяне о Советской власти» (М.; Л., 1929), к которой сам написал предисловие.

Создавая в 1930 г. новую версию своего знаменитого очерка «Владимир Ленин», написанного сразу после смерти вождя, Горький решил переосмыслить и переоценить свои прежние высказывания о русском народе и его роли в революции. Он почти дословно повторил текст очерка 1924 г. о том, что его «всю жизнь угнетал факт подавляющего преобладания безграмотной деревни

над городом, зоологический индивидуализм крестьянства и почти полное отсутствие в нем социальных эмоций» и что в трудных условиях революции единственным выходом из положения была «диктатура политически грамотных рабочих в тесном союзе с научной и технической интеллигенцией», а не с анархичной деревней, и тут же публично признал несправедливость своих прежних оценок, добавив к написанному: «Так думал я 13 лет тому назад и так — ошибался» [8. Т. 20. С. 28–29].

Наконец-то писатель, долгие годы не доверявший «мужику», боявшийся темной крестьянской стихии, способной, по его мнению, разрушить все социалистические завоевания революции, уверовал благодаря коллективизации в возможность перевоспитания, даже духовного перерождения многомиллионной массы русского крестьянства.

Литература

1. Михайловский Н.К. О г. Максиме Горьком и его героях // Максим Горький: pro et contra. Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей: 1890–1910-е гг.: антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. С. 325–380.
2. Чуковский К. Дневник: 1901–1929. М.: Советский писатель, 1991. 541 с.
3. Горький М. Полное собрание сочинений: письма: в 24 т. М.: Наука, 1997–2022.
4. Горький М. О русском крестьянстве. Берлин: Изд-во И.П. Ладъжниковой, 1922. 44 с.
5. Примочкина Н.Н. Писатель и власть: М. Горький в литературном движении 20-х годов. 2-е изд., доп. М.: РОССПЭН, 1998. 302 с.
6. Примочкина Н.Н. «...Пишу Вам, потому что Вас очень люблю и ценю»: (письма Н.И. Бухарина Горькому) // Время Горького и проблемы истории: материалы и исследования. Вып. 14. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 143–196.
7. М. Горький и Р. Роллан: переписка (1916–1936) // Архив А.М. Горького. Т. 15. М.: Наследие, 1995. 543 с.
8. Горький М. Полное собрание сочинений: художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1968–1976.
9. Замятин Е.И. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. 530 с.
10. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. М.: ГИХЛ, 1953. 574 с.

Примочкина Наталья Николаевна,
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН

Primochkina Natalia N.,
Doctor of Philology, Leading Scientific Researcher
Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

e-mail: nprim47@yandex.ru

References

1. *Mikhailovsky N.K.* O g. Maksime Gorkom i ego geroiah // Maksim Gorky: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Maksima Gorkogo v ocenke russkih myslitelei i issledovatelei: 1890–1910-e gg.: antologiya. St. Petersburg: Izd-vo RHGI, 1997. S. 325–380.
2. *Chukovsky K.* Dnevnik: 1901–1929. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1991. 541 s.
3. *Gorky M.* Polnoe sobranie sochinenii: pis'ma: v 24 t. Moscow: Nauka, 1997–2022.
4. *Gorky M.* O russkom krest'ianstve. Berlin: Izd-vo I.P. Ladyzhnikova, 1922. 44 s.
5. *Primochkina N.N.* Pisatel' i vlast': M. Gorky v literaturnom dvizhenii 20-h godov. 2-e izd., dop. Moscow: ROSSPEN, 1998. 302 s.
6. *Primochkina N.N.* "...Pishu Vam, potomu chto Vas ochen' liubliu i tseniu": (pis'ma N.I. Buharina Gorkomu) // Vremia Gorkogo i problemy istorii: materialy i issledovaniia. Vyp. 14. Moscow: IMLI RAN, 2018. S. 143–196.
7. M. Gorky i R. Rolland: perepiska (1916–1936) // Arhiv A.M. Gorkogo. T. 15. Moscow: Nasledie, 1995. 543 s.
8. *Gorky M.* Polnoe sobranie sochinenii: hudozhestvennyye proizvedeniia: v 25 t. Moscow: Nauka, 1968–1976.
9. *Zamyatin E.I.* Izbrannyye proizvedeniia: v 2 t. T. 1. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1990. 530 s.
10. *Gorky M.* Sbranie sochinenii: v 30 t. T. 24. Moscow: GIHL, 1953. 574 s.

